

СЫН КРАСНОЙ ГОРКИ

В наших горах, хоть в Ала-Тау, хоть в Шорских хребтах, хоть берегами наших рек, бывает, из обмыленных временем склонов выпирают, вытарчивают скальные останцы. Они из более крепкой породы, чем та, которая была около, выветрилась и ушла песком и глиной вниз по течению.

Геннадий Юров — такая, не вписывающаяся в типовой пейзаж, «неформатная» скала. Может быть, целая скальная гряда — стоит, набычившись, все её обходят, обтекают, а она, ну просто-таки насмерть вросла в эту землю. Как Красная горка в Кемерове по-над Томью.

Геннадий Евлампиевич — культовая личность для Кузбасса. Ему даже памятник не надо ставить. Он весь тут, в старом Кемерове — на виду острова, намытого Искитимкой. Ближе к набережной. Внутри кирпичных улочек с арками «сталинских» домов. А из его высоко стоящих окон открывается дымный индустриальный пейзаж — «Азот» с «Химпромом» и «Карболитом».

Он «неформатен» уже своей внешностью: большой, медленный, с густой разбойничьей бородой. Внушительный, как предводитель казачьей воль-

ницы. Похожие на него статями предки чалдоны, небось, одним своим видом убеждали переправляющихся через Томь купчишек делиться доходами от торговли. На будущий мост, предположим.

Нынче к Красной горке ведёт новый мост с красивыми (если смотреть от шахтёрского памятника работы Эрнста Неизвестного) развязками. И по нему течёт Транссибирский автомобильный тракт.

Тракт непрерывен, и его, словно раскалённую лаву, не перейти и не перепрыгнуть. А над трактом нависает Красная горка. Там, на взлобке, стоит, затенённый деревьями, лицом к реке, старый обелиск в честь первооткрывателя кузнецких углей Михайлы Волкова. И где-то в близких прибрежных улочках, на этих тропках, стремглав падающих к Томи, у этого чистого родника, по сию пору изливающегося сладкой водой, прошло детство писателя. Где-то близко пролетела юность. И пришла зрелость, и сейчас с высоты лет и верхнего этажа жилой высотки, что стоит на противоположном томском берегу, в двух шагах от набережной, смотрит Юров на свою Красную горку.*

А ежели идти-красться вдоль Красной горки, берегом-берегом, по яру, срываясь с горелого крутяка,

* Статья была написана к 75-летию поэта Г.Е. Юрова, ушедшего из жизни на 78 году в 2016.

обходя огородные зады и пересекая спускающиеся к реке тропки, то рано или поздно добредёшь до бывшего дома Себальда Рутгерса, где сейчас музей. Дойдёте — спросите, где Юров — до недавнего времени он там работал, а сейчас не знаю, может, уже нет. Но представляю: вот он — сидит безмолвным изваянием самому себе, борода в горсти, взгляд в окно — думает.

Здесь, на скалах Красной горки, первые стихи сложились. И первые, самые естественные и «центровые» мысли пришли про жизнь и «условия человеческого существования», обернувшись потом книгой «Труженица Томь». Моей любимой. Лучшей, на мой взгляд, из того, что написано про Кузбасс.

В свои семьдесят пять он тяжёл телом. Он седобород и ленив, словно сытый медведь. Он всё знает и не удивляется ничему. Мне кажется, что он был таким всегда, хотя я помню и древнесоветский, деревянный клуб железнодорожников — единственное тогда приличное здание (не считая вокзала) в моих родных Топках, куда приехали кемеровские поэты, и молодого Юрова в красном свитере — моднящей по тем временам одежке, и то, как он читает стихи, бескомпро-

миссно рубя воздух крепко сжатым кулаком. И стихи были празднично-приподнятые. Романтические.

Потом он мне сказал с усмешкой, мол, не было никогда у него красного свитера, врешь. Нет, не мог я ошибиться. Значит, душа горела у поэта и в моих тогда мальчишеских глазах материализовалась в одежду революционного цвета.

Наверное, в том свитере, реальном или фигуральном, что всё равно, он и на Север уехал. Так полагалось по кодексу чести 1960-х. Много было в том благородно-книжного. «За туманом и за запахом тайги» ехали «флибустьеры и авантюристы по крови горячей и густой». Каким был Юров, именно на Севере открывший для себя и для других «Озеро танцующих хариусов» и «Озеро Джека Лондона». И понявший про жизнь и про себя то, что раньше не понимал, — жить надо там, где родительские могилки. Где Красная горка по-над Томью. Кстати, поэма про «Аборигена» именно на Севере сочинилась — изящно соткавшись из чукотской экзотики и кемеровских смогов.

Идя вместе со страной её нелогичным и иногда ужасным путём, Юров оставался Юровым, оригинальным и нестандартным. Говорю же — скальный базальтовый останец. Крупняк, режущий крутое течение. Как писатель и как личность Юров по большей части идёт-бредёт

наособицу, избегая торных дорог и стёжек, — самые крупные звери не сбиваются в стаи, раздумчиво, себе на уме, ходят в одиночку.

Десять лет с гаком Юров возглавляет альманах «Красная горка». Сам его выдумал и сам реализовал. Историко-литературный альманах о Кемерове и кемеровчанах. О месте Кемерова в Сибири.

Мне радостно бывать на Красной горке.

С этого яра смотреть на рукотворный пейзаж левобережья, дышащий индустриальными дымами и полыхающий промышленными огнями. Здесь, на ветренном юру, чуют и чувствовать мощь и силу своего города.

Сегодня там, на заветной Красной горке, музей. На юру. И сердце этого, извините за прозаизм, муниципального учреждения — человек, носящий фамилию, где в корне — слово «юр», значащее в Сибири не что иное, как открытое, возвышенное место — яр, гору. Красный яр, Красная горка.

Ах, как хорошо, как сладко, как завидно, как достойно звучать однофамильцем родины...

*Василий Попок,
член Союза писателей России*